

Наместник не стал проверять знания Шэнь Ляня, задавая ему вопросы о фразах из “Четверокнижия” и “Пятикнижия”, как того можно было ожидать. Вместо этого он погладил бороду, и на его строгом лице появилось крайне серьезное выражение. Он внимательно посмотрел на юношу и спросил:

“Скажи мне, зачем, по твоему мнению, люди читают книги?”

Окружающие, услышав этот вопрос, который выходил за рамки обычной проверки знаний, изумленно обменялись взглядами. Этот вопрос явно выходил за пределы учебного материала.

Этот вопрос можно было бы назвать как незначительным, так и важным — все зависело от того, как на него ответит тот, кому он задан.

Хороший ответ мог принести расположение наместника и открыть перед человеком новые возможности. Но если ответ окажется неубедительным, в глазах наместника он останется бесполезным деревом, из которого не вытесать ничего путного.

Ученики не сводили глаз с Шэнь Ляня, затаив дыхание в ожидании его ответа.

Глава и сопровождавшие его учителя тоже напряженно наблюдали за Шэнь Лянем, опасаясь, что его слова могут не прийтись по душе высокому чиновнику.

Но Шэнь Лянь лишь слегка склонил голову, погружаясь в размышления. Через мгновение он снова поднял взгляд на тайшоу, и его голос, как всегда, прозвучал мягко и уверенно:

“По мнению студента, человек читает книги, чтобы обрести мудрость и избавиться от невежества. Чтобы самому вырваться из оков тяжелой жизни и помочь другим найти верный путь”.

В глазах наместника промелькнул интерес. Он слегка приподнял бровь и уточнил: “О, и как ты это понимаешь?”

Шэнь Лянь немного подумал, собрал мысли воедино и продолжил говорить:

“Книги — это сокровищница знаний, накопленных предшествующими поколениями. В них запечатлена мудрость древних, их опыт, их размышления о мире. Читая медицинские трактаты, можно научиться лечить болезни и спасать жизни. Изучая исторические хроники, можно постигать ошибки и достижения прошлого, чтобы не повторять их в будущем. Разбираясь в военных стратегиях, можно понять принципы ведения войн и управления войсками.

Как люди ученые, мы должны не просто читать, но и применять знания на благо — там, где они действительно нужны”.

В отличие от банальных ответов, которые часто сводятся к стремлению стать чиновником или служить императору, ответ Шэнь Ляня был свеж и нестандартен, что еще больше привлекло внимание наместника.

Наместник, до этого нахмуривший брови, теперь слегка расслабился. Он внимательно посмотрел на юношу и задал еще один вопрос: “Что значит — использовать нужные знания там, где они действительно необходимы?”

Шэнь Лянь поднял глаза и, глядя прямо на высокого чиновника, спокойно, без тени робости, ответил: “Если стране нужны знатоки “Четверокнижия” и “Пятикнижия”, я буду штудировать эти труды и сдавать императорские экзамены, чтобы принести пользу государству. Если мне предстоит быть праведным чиновником, я изучу судебные дела прошлых лет и буду выносить решения, опираясь на ритуал, закон и разумную меру. Если народ нуждается в том, кто поможет ему возделывать землю, я посвящу себя аграрным трудам и буду делиться своими знаниями с крестьянами”.

Наместник и без того уже проникся к нему симпатией, а теперь, услышав столь зрелое рассуждение, почувствовал к нему еще большее расположение. В его взгляде даже мелькнуло что-то похожее на восхищение:

“Хорошо, хорошо, ты действительно достойный молодой человек. Нам в стране как раз нужны такие умные и разумные ученые, которые могут служить императору и помогать народу”.

Услышав похвалу наместника, Шэнь Лянь не проявил особых эмоций, лишь склонился в почтительном поклоне и ответил: “Ваша милость преувеличивает мои заслуги”.

Наместник смотрел на юношу, отмечая его невозмутимость и достоинство. Чем больше он на него глядел, тем сильнее возрастало его удовлетворение. Однако вскоре его взгляд слегка лукаво блеснул, и он решил испытать Шэнь Ляня еще раз, задав ему вопросы из текстов, по которым проходил императорский экзамен.

Шэнь Лянь не только точно и быстро отвечал на все вопросы, но и излагал свои мысли ясно и аргументированно, порой предлагая неожиданные, но убедительные толкования.

Наместник, наблюдая за этим достойным и умным молодым человеком, почувствовал, что в следующем году тот вполне может стать лучшим из лучших на экзаменах. Раздражение, вызванное неудачными ответами других учеников, исчезло, сменившись хорошим настроением благодаря Шэнь Ляню.

Поглаживая бороду, наместник повернулся к главе, который все это время стоял рядом, и с улыбкой сказал:

“Не ожидал, что в вашей академии учится такой выдающийся ученик”.

Изначально глава был раздражен, поскольку ученики не отвечали на вопросы, но после того как ответ Шэнь Ляня помог вернуть немного достоинства академии, его лицо немного улучшилось. Услышав похвалу от наместника, он погладил свою седую бороду и, взглянув на собравшихся, весело сказал: “Наместник, вы льстите мне”.

После того как наместник сказал эти слова, он повернулся к Шэнь Ляню, который стоял, ожидая продолжения, и добавил мягким тоном: “Ты так долго говорил, а я до сих пор не знаю твоего имени”.

Шэнь Лянь понял намек, поклонился наместнику и вежливо ответил: “Меня зовут Шэнь Лянь”.

Наместник, услышав это имя, почувствовал, что оно ему знакомо, но не мог вспомнить, где именно он его слышал.

Однако стоящий рядом с наместником Куй Синь, услышав, что это тот самый Шэнь Лянь, который причинил вред его племяннику, взглянул на него с выражением недоумения в глазах.

Куй Синь немного прищурился, внимательно осмотрел стоящего перед ним Шэнь Ляня, излучающего природную уверенность, и начал строить свои планы.

Изначально Куй Синь собирался подождать, когда наместник утратит терпение, и затем случайно упомянуть имя Шэнь Ляня, чтобы тот стал для наместника последней занозой, создав плохое впечатление. Это дало бы ему преимущество в дальнейших действиях.

Чтобы избежать неожиданностей, Куй Синь заранее ненавязчиво поговорил с наместником, пытаясь убедить его смотреть не только на тех учеников, кто скрывает свои намерения, но и на тех, кто не отличался выдающимися успехами, чтобы можно было точнее оценить их реальные способности.

В глазах наместника, который не терпел лжи, те, кто не учился должным образом, не заслуживали прощения. Это, конечно, оставило бы негативное впечатление.

Однако Куй Синь никак не ожидал, что наместник не стал дожидаться подходящего момента, чтобы проверить Шэнь Ляня, а вызвал его прямо сейчас.

К тому же Шэнь Лянь, которого Куй Синь считал всего лишь немного сообразительным, оказался не только умным, но и хорошо воспитанным, что привлекло внимание наместника.

Что думали другие, Куй Синь не знал.

Однако, будучи много лет писарем наместника, Куй Синь прекрасно знал, насколько редко наместник выражал такую похвалу, и понимал, насколько это ценно.

Он взглянул на наместника, который был явно доволен Шэнь Лянем, а затем на самого Шэнь Ляня, чье лицо не выдавало ни малейших эмоций, сжимая кулаки.

“Нет, я должен терпеть, пока не настал подходящий момент. Если я покажу свои чувства сейчас, наместник точно не простит мне такого использования его власти для собственных целей”, — мысленно говорил себе Куй Синь.

В этот момент наместник вспомнил, где он слышал это имя. Он поднял взгляд и, посмотрев на стоящего перед ним юного мужчину, спросил с некоторой неуверенностью: “Ты тот самый Шэнь Лянь, который помог нашему уездному судье стратегическими предложениями?”

Шэнь Лянь не удивился такому вопросу, снова поклонился наместнику и вежливо ответил: “Не заслуживаю похвалы, я действительно предложил несколько идей нашему судье”.

Получив подтверждение, наместник стал смотреть на Шэнь Ляня с растущим уважением, в его глазах появилась явная восхищенность.

Наместник, поглаживая свою бороду, продолжал: “Действительно, молодые люди удивляют!”

Шэнь Лянь, услышав похвалу, оставался спокойным и непринужденным, словно похвала касалась не его, а кого-то другого.

Наместник продолжал с удовольствием наблюдать за его спокойствием, но вскоре вспомнил о своей цели и, прервав похвалу, пригласил Шэнь Ляня сесть. Затем он снова обратился к нескольким ученикам, чтобы они ответили на вопросы.

Однако следующие несколько человек снова допустили те же ошибки, что и раньше, что немного разочаровало наместника. Если бы не встретил сегодня такого талантливого человека, как Шэнь Лянь, наместник, наверное, сам бы рассердился.

Видя, что уже близится время обеда, даже наместник не стал бы продолжать тратить время здесь, и наконец прекратил свою проверку. Он поднял глаза и посмотрел на учеников, сидящих в зале, его взгляд был строгим.

“Весной будет экзамен, вам следует продолжать усердно трудиться. Я всё же надеюсь, что после весеннего экзамена у нас появится несколько человек, которые смогут попасть в список лучших”.

“Да, мы обязательно будем усердно работать”.

Те, кого только что вызвали для ответа, но из-за сильного волнения не смогли ответить правильно или вообще не смогли ничего сказать, теперь, услышав слова наместника, смущённо опустили головы.

Наместник почувствовал, что сказал всё, что хотел, и теперь всё остальное зависит от них. Он сказал пару слов кому-то из сопровождавших его и группа покинула зал.

Прежде чем уйти, Куй Синь оглянулся и встретился взглядом с Шэнь Лянем. Шэнь Лянь спокойно сидел, его взгляд был безразличен, а глаза не выражали ни эмоций, ни волнений, что поразило Куй Сина.

Куй Синь быстро отвел взгляд. Осознав, что его испугал какой-то молодой парень, он сразу же пришёл в ярость. Как это возможно, чтобы он, опытный писарь, который видел столько людей при наместнике, испугался от взгляда какого-то юноши? Это просто невозможно!

В глубине души Куй Синь почувствовал нечто, что он сам не хотел бы признать — страх. Если раньше его цель была отомстить за своего племянника, то теперь он понял, что не может позволить Шэнь Ляню расти. Он должен уничтожить его в зародыше.

Однако, вспомнив, как Шэнь Лянь спокойно отвечал на вопросы наместника, и как наместник смотрел на него с одобрением, Куй Синь понял, что его планы по отношению к Шэнь Ляню нужно будет тщательно продумать.

#

После того как наместник и его свита ушли, атмосфера в классе осталась немного тяжёлой, особенно для тех, кто только что был вызван, но не смог правильно ответить на вопросы. Они выглядели так, как будто их только что поразила гроза, и явно были полны сожалений.

До того как прозвонил колокол, извещающий о времени обеда, присутствующие немного восстановили свои силы.

Му Цин подошел к Шэнь Ляню. В этот момент он уже не был так весел, как обычно, и в его голосе звучала некоторая унылость: "Брат Шэнь, давай поедим!"

Шэнь Лянь кивнул. Он только что думал о том человеке среднего возраста, который взглянул ему в глаза. Ему казалось, что тот взгляд был враждебным.

Когда они пришли в столовую, каждый взял свою коробку с едой, доставленную на этот день.

Как только кусочек ароматного и нежного яйца вошел в его рот, Му Цин словно ожил, и его настроение значительно улучшилось.

Он поднимал ложку и, смотря на золотистое, ароматное и мягкое яйцо-крем, с восхищением сказал: "Как я завидую тебе, брат Шэнь! У тебя не только такой хороший муж, но и знания такие отличные!"

Чай Юаньвэй был одним из самых восторженных поклонников кулинарных способностей Линь Сяоцзю, и услышав слова Му Цина, он, запихивая еду в рот, не переставал кивать.

"Да-да, точно. Ты не видел, как лицо наместника потемнело, когда он задавал вопросы другим. Только когда он дошел до тебя, его лицо прояснилось. Не буду скрывать, я думаю, что этот наместник действительно страшный".

Чай Юаньвэй считал, что благодаря положению своей семьи ему довелось встретить немало чиновников, но среди всех, кого он видел, сегодняшней наместник казался ему самым пугающим.

С этим вечно суровым лицом он был словно воплощением черноликого судьи преисподней. Стоило ему просто стоять рядом, и Чай Юаньвэй уже чувствовал, что даже говорить громко не решается.

Высказав свое мнение, он услышал, как Му Цин тоже вставил пару слов. Однако, в отличие от обычных разговоров, на этот раз не раздался голос Шэнь Ляня.

Обычно, даже если Шэнь Лянь считал их разговоры слишком наивными, он все равно поддерживал их хотя бы парой слов. Но сегодня — ни звука.

Му Цин озадаченно посмотрел в его сторону и увидел, что тот задумчиво ест, погруженный в какие-то размышления.

Му Цин, глядя на него, почувствовал некоторое беспокойство: "Что с тобой?"

Шэнь Лянь повернулся к нему и, заметив его недоуменный взгляд, спросил: "Ты знаешь, кто тот средних лет мужчина, который все время стоит рядом с наместником?"

Вопрос Шэнь Ляня был неожиданным, Му Цин нахмурился, пытаясь вспомнить, но затем покачал головой: "Нет, не знаю".

Шэнь Лянь и не особо надеялся получить ответ. Услышав его, он без удивления кивнул и мягко произнес: "Понятно".

Му Цин чувствовал, что с Шэнь Лянем сегодня что-то не так, но в чем именно дело, он понять не мог. Однако, когда тот заверил, что не нуждается в помощи, Му Цин решил больше не заострять на этом внимания.

А вот сам Шэнь Лянь, глядя на еду перед собой, все же пришел к выводу, что ему стоит выяснить личность того мужчины. Его взгляд, полный скрытой неприязни, не мог быть случайностью. Очевидно, у того человека были какие-то причины испытывать к нему враждебность. А значит, оставлять ситуацию без внимания было бы неразумно — Шэнь Лянь

никогда не любил отдавать инициативу в руки незнакомцев с неясными намерениями.

□□#

Пока Шэнь Лянь обдумывал, как бы разузнать о странном незнакомце, глава уже вел наместника и сопровождающих его лиц в отдельную столовую.

Как только наместник переступил порог, его брови слегка нахмурились, и он сразу же повернулся к главе, в его голосе звучало некоторое недовольство: “Это место, где ученики обычно принимают пищу?”

Глава не ожидал такого вопроса, на мгновение замешкался, но затем все же покачал головой.

“Нет, учащиеся обедают в другом помещении, неподалеку”.

Наместник немного задумался, а затем без всяких церемоний посмотрел на старого главу.

“Если уж я пришел сюда, значит, мне нужно все тут испытать. Проводите меня в место, где ученики питаются, я тоже попробую, что они обычно едят. В конце концов, это тоже часть проверки”.

В глазах старого главы на мгновение промелькнуло сомнение, но, увидев решимость наместника, он все же кивнул в знак согласия.

Ведь поддержка учебного заведения в значительной степени зависит от государственного финансирования, а наместник — это тот, кто может решить, сколько средств будет выделено на их академию.

Когда старый глава привел наместника в место, где обычно едят ученики, тут же возникла шумиха.

Ученики, которые все еще стояли в очереди за едой, с опаской начали уступать место, готовясь пустить главу и наместника с его спутниками вперед.

Однако еще до того, как глава мог что-то сказать, наместник махнул рукой.

“Не нужно, раз я здесь, чтобы испытать, буду стоять в очереди с вами”.

После этих слов на лицах учеников появилась растерянность, и они не знали, как поступить.

Глава, видя их смущение, вмешался, говоря: “Раз уж господин так сказал, просто стойте в

очереди”.

“Есть”.

Затем наместник с главой и остальными строго встали в очередь.

С их приходом изначально громкая очередь мгновенно стала тихой, и только во время раздачи пищи разгорелись споры о том, какие блюда выбрать, голоса немного повысились.

Наместник, наблюдая за тем, как все организовано, удовлетворенно кивнул. Атмосфера в академии ему понравилась, а когда он заметил, что в мисках всех учеников была полная порция риса, его удовлетворение усилилось.

Раздающий еду повар работал быстро, и ученики, стоявшие впереди, тоже быстро набирали еду. Через несколько минут подошел и черед наместника.

Наместник стоял, смотря на несколько больших деревянных ведер, из которых исходил аппетитный запах пищи. Он не понимал, почему, но вдруг почувствовал, что аппетит возрос.

“Господин, какие блюда вы хотите выбрать?”

Повар, видя, что наместник не двигается, не решался поторопить его, как обычно он делал с остальными учениками, а осторожно спросил.

Наместник, услышав его вопрос, поднял глаза, и когда он почти не смог больше сдержаться, он наконец заговорил: “Как у вас здесь принято раздавать еду?”

Повар был немного ошарашен его вопросом, он обернулся и посмотрел на главу, который следовал за наместником, надеясь увидеть его реакцию.

Глава, заметив его растерянность и лёгкое смущение, глубоко вздохнул и, наконец, решил вмешаться, чтобы его защитить: “Господин, у нас нет строгих правил по поводу еды. Каждый может взять то, что ему нравится”.

Наместник, услышав эти слова, наконец-то проявил интерес, его выражение лица изменилось. Он указал на несколько учеников, которые только что ушли, и сказал: “Как я только что слышал, они спорили, какое из этих блюд лучше взять?”

Смыслом этих слов было то, что если можно было брать что угодно, то почему бы этим ученикам спорить?

Глава, услышав этот вопрос, слегка покраснел и, наконец, рассказал правду: "Господин, дело в том, что у академии ограниченные средства, а аппетит у студентов большой. Чтобы избежать ситуации, когда кто-то останется без еды, было решено, что каждый ученик может взять только одно мясное блюдо и три овощных, всего четыре блюда".

Наместник нахмурился. В его понимании, еда — это важная часть жизни, и каждый должен питаться хорошо, чтобы быть в состоянии заниматься другими делами.

Тем не менее, наместник ничего не сказал прямо, а просто, наблюдая за нервным поведением повара, взял одно мясное и три овощных блюда и сел на свободное место.

Как главный чиновник, наместник подал пример, и все остальные последовали за ним, тоже взяв по одному мясному и трём овощным блюдам.

Когда подошёл к столу Куй Синь, он взглянул на блюда и невольно закатил глаза. Он побывал во многих местах, но это заведение было единственным, которое угощало их такими безвкусными блюдами.

Куй Синь раздражённо отмахнулся от мыслей и не стал долго разглядывать еду. Он просто попросил повара положить несколько блюд и вернулся к наместнику.

В то же время он в глубине души решал, что как только вернётся в родной дом, обязательно устроит себе хороший обед, чтобы компенсировать этот ужасный приём пищи.

Когда Куй Синь ушёл с едой, повар, который только что накладывал ему пищу, тихо закатил глаза в его сторону.

Повар хорошо заметил, как этот человек, жалуясь на их еду, всё же её ел! Хотя его должность не была такой уж важной, но характер у него явно был не из лёгких!

□□#

Куй Синь не знал, как повар обсуждает его за спиной. Когда он сел за свой стол с тарелкой еды, вдруг услышал слова старого главы.

"Господин наместник, откровенно говоря, эти блюда не приготовлены нашими поварами. Я купил их у человека извне, и этот человек — муж Шэнь Ляня".

Как только старый глава закончил говорить, раздался голос, полный недоумения: "Как он мог так поступить?!"

Его голос был настолько пронзительным и его выражение лица — столь неподобающим, что

наместник и другие обратили внимание на него, выражая недоумение.

Куй Синь осознал, что только что вёл себя неподобающим образом. Он увидел строгий взгляд наместника и тихо попытался оправдаться.

“Господин, я не это имел в виду. Я просто думаю, что другие ученики испытывают трудности с едой и одеждой, а вот Шэнь Лянь использует эту ситуацию, чтобы заработать деньги. Это совершенно не соответствует морали ученика”.

Он продолжил: “Сейчас он жаден даже к такой мелочи, как небольшая прибыль от еды, и кто может гарантировать, что он не захочет больше в будущем? К тому же, только что в классе он так пафосно говорил о правде, но его поступки совсем не соответствуют его словам!”

Наместник, всегда выглядящий строго, после его слов стал ещё более серьёзным, а на лице отразилось неудовольствие. Он всегда ненавидел людей, которые лгут ему.

Как сказал Куй Синь, если Шэнь Лянь настолько жаден, что готов воспользоваться даже такой мелочью, как еда в академии, как он сможет удержаться от соблазна больших выгод в будущем?

Кроме того, если он действительно человек, который лишь преследует личную выгоду, то те благородные речи, которые он произносил в классе, наверняка были сказаны только с целью обмануть.

В любом случае, казалось, что Шэнь Лянь обманул его.

Наместник всё больше злился, даже впервые расстроившись от своей ошибки в оценке человека.

Старый глава, услышав это, заметил, что лицо наместника изменилось, и поспешил попытаться защитить Шэнь Ляня. Но, не успев ничего сказать, был прерван наместником.

“Писарь Куй прав. Академия — это святое место, здесь не место для подобных дел”.

Наместник подумал о молодом человеке, с которым только что беседовал, и взглянул на свою тарелку с едой. В его глазах мелькнуло некоторое недовольство, как бы выражая разочарование от того, что его обманули.

“Ситуация сложная, и я сам решу, что делать. Но с этим молодым человеком, Шэнь Лянем, я всё равно должен поговорить. Если он действительно такой лицемер, что говорит одно, а делает другое, то такой человек не заслуживает места в этой академии”.

Глава, видя, что наместник не желает выслушивать его защиту, вздохнул про себя, но больше не сказал ни слова.

Он изначально хотел подготовить почву для защиты Шэнь Ляня, ведь в обществе торговцы всегда считались низшими.

Шэнь Лянь взял в мужья человека, который управлял несколькими лавками. Если в будущем он решит поступить на государственную службу, его супруг непременно станет поводом для пересудов и придировок.

Глава думал, что даже если сейчас ему удастся предотвратить это, в будущем будет ещё не раз подобная ситуация. Поэтому лучше бы к этому привыкнуть заранее. Ведь пока они находятся в академии, он ещё может помочь, если что-то случится.

Глядя на слегка раздраженного наместника, старый глава благоразумно промолчал, но уже прикидывал, как позже смягчить впечатление, которое сложилось у высокопоставленного гостя о Шэнь Ляне.□□

□□#

Линь Сяоцзю сидел у входа в лавку, задумчиво вглядываясь в небо, которое с каждым днем становилось все мрачнее. В голове у него крутилась одна мысль: как бы ни сопротивлялся Шэнь Лянь, но в ближайшее время он все же купит для него повозку и теплую одежду.

Иначе что делать, когда холода будут усиливаться день ото дня? Вдруг Шэнь Лянь простудится? Ведь его здоровье только недавно пришло в норму после долгого лечения.

На самом деле, Линь Сяоцзю думал, что лучший вариант был бы, если бы в древние времена, как и в современности, вводились зимние и летние каникулы. Тогда не нужно было бы выходить на мороз в такие холодные дни.

Подумав об этом, Линь Сяоцзю сам посмеялся: о чём он вообще думал? Каникулы, эти вещи, ведь они появились только для того, чтобы современные люди могли дать детям больше времени для отдыха и радости.

Линь Сяоцзю засмеялся, посмотрев на бескрайние тучи, и вдруг почувствовал ностальгию. Он не ожидал, что так быстро пройдёт время, и вот, не успел оглянуться, как Новый год уже близко.

Но прежде чем Линь Сяоцзю успел подумать об этом дольше, его мысли прервал неожиданный посетитель.

Он поднял глаза и увидел нервного клиента перед собой, не понимая, что тот хочет.

"Клиент, в чём дело?" — спросил он.

Но вместо ответа, посетитель неожиданно упёрся двумя руками в стол и, резко глядя на Линь Сяоцзю, стал смотреть на него с напряжением.

Линь Сяоцзю был немного испуган этим жестом и невольно принял настороженную позу.

Не далеко стоящие сотрудники магазина заметили происходящее, и, переживая за безопасность Линь Сяоцзю, поспешили подойти, готовые вмешаться, если клиент начнёт вести себя агрессивно.

Однако, к удивлению всех, клиент вдруг опустил голову и, с искренним тоном, обратился к Линь Сяоцзю: "Маленький хозяин, можно ли мне тоже купить порцию еды, которую вы сегодня отправляли на обед? Я каждый день чувствую запах из вашего магазина, и не могу больше сдерживаться!"

Линь Сяоцзю подумал, что клиент что-то хочет от него, но оказалось, что он всего лишь просит коробку с едой. Услышав это, его взгляд изменился, и он спросил: "Ты пришёл из-за этого?"

Клиент резко поднял голову и прямо взглянул на Линь Сяоцзю: "Да! Если бы я мог терпеть дальше, то ни за что бы сюда не пришел и не стал просить тебя об этом!"

Линь Сяоцзю, слегка ошеломленный таким напором, молча поправил одежду, которая слегка сбилась, когда он отпрянул от неожиданности. Затем выпрямился и внимательно посмотрел на собеседника.

<http://bllate.org/book/15132/1337476>